

“Я никогда не был хорошим актером”

Хью Грант — Газете

Газета 2004 30 ноябрь - с. 7, 75.

28

01 СТР

Какая сцена из «Бриджит Джонс: Грани разумного» ваша самая любимая?

Скорее всего постельная сцена с Рене Зеллвегер. Это когда я залегаю к ней под платье и обращаюсь к ее трусам... Когда мы снимали эту сцену, Рене держалась героически. Надо сказать, что когда я репетирую реплику, то получается очень смешно. Но стоит мне прийти на съемочную площадку, меня начинают одолевает сомнения: а вдруг я провалю эту сцену? Надо ли ввести новую реплику типа «А вот и папочка пришел!»? Но потом я прихожу на съемочную площадку и, пока устанавливают свет, думаю: «Надо расслабиться. Если я не расслаблюсь, то у меня будет глухой голос». И все получается. Комедия — очень своенравная особа. Одна незначительная деталь может испортить всю сцену.

Какого персонажа вам бы не хотелось сыграть?

Я бы не смог сыграть персонажа, который не произносит реплик. Французы делают это гениально. Например, Жюльетт Бинош. Она просто сидит на одном месте, камера приближается к ее лицу, на котором одновременно отражаются тысячи разных настроений. Я так не могу. Мне нужны реплики, которые я предпочитаю произносить в движении. Быть хорошим актером означает уметь передавать переживания текущего момента. Я этого не умею. Единственное, чему я научился за двадцать лет, — это то, что мне надо как можно меньше притворяться. Это смотрится ужасно на экране, тем более на большом экране. Поэтому я не смотрю свои фильмы, особенно ранние. Хотя, скажу без ложной скромности, я стал лучше со временем. Некоторые из моих последних фильмов очень неплохи.

В анимационном фильме «Команда Америка: всемирная полиция» осмеиваются голливудские звезды-активисты. Совместимы ли, по-вашему, актерство и политика?

Это очень спорный вопрос. С одной стороны, нет ничего отвратительнее актера-проповедника. Мне кажется, что этим занимаются для привлечения внимания к собственной персоне. С другой стороны, нет ничего хуже профессиональных политиков. Я иногда мечтаю о партии, которая будет состоять из людей, добившихся успеха в своем деле, в противоположность тем, кто пришел в политику прямо с университетской скамьи и научился хорошо врать.

Вы — крестный отец ребенка своей бывшей пассии Элизабет Херли. В чем заключаются ваши обязанности?

На самом деле у меня много крестных детей. Моя очень ответственная секретарша ввела информацию о дне рождения каждого моего крестника в компьютер, так что, когда наступает день рождения одного из детей, раздается автоматический сигнал — она покупает ребенку подарок, а я за него плачу. Иногда я навещаю Элизабет и ее ребенка. Этим мои обязанности и ограничиваются.

Насколько вам досаждают папарацци?

Самое ужасное, когда они преследуют мать с ребенком. Я был свидетелем того, когда это произошло с Элизабет. Малыш плачет, а они щелкают своими фотоаппаратами. Это ужасно. Надо запретить помещать фотографии детей в прессе, как это сделали французы. Я недавно повздорил с одним из папарацци, который дежурил у моего дома. В ответ он сказал мне: «Без нас вы бы не были знамениты». Я не согласен с этим. Мне не нужны папарацци. Мне нужна хорошо сыгранная роль, а не фотография на обложке бульварного журнала. Хотя я знаю, что некоторые актеры сами звонят в редакции и говорят: «В такое-то время я буду в Гайд-парке. Подъезжайте».

Это правда, что вы собрались на пенсию?

Да, я давно грозился, и вот за последние три года я снялся всего лишь в двух фильмах про Бриджит, в «Реальной любви» — и все. Я не перезваниваю своим агентам, практически не читаю сценариев. Я потерял интерес к кино, сказать по правде. Терпеть не могу, когда актеры ноют о том, что им надоела их профессия, что они хотят жить как нормальные люди. Но, честно говоря, я действительно хочу начать жизнь частного лица. Вся эта «жизнь знаменитости» вышла из-под контроля. Я никогда не был хорошим актером. И одной из причин, по которой я не менял профессию, было желание доказать, что я могу быть лучше. Мне кажется, что в картине «Мой мальчик» по книге Ника Хорнби я сыграл достаточно хорошо для того, чтобы остановиться. Кроме того, мне уже сорок четыре года, а романтических комедийных актеров можно играть только до определенного возраста. Снять хорошую комедию очень трудно. Если у меня и есть актерский талант, то он годится только на то, чтобы изображать романтических персонажей. У меня нет никого желания забираться в глубокие дебри драмы. А с другой стороны, мне не хотелось бы играть одного и того же героя, переходящего из фильма в фильм. Кроме того, совсем недавно у меня после двадцати лет актерства появился «страх сцены». Хороших сценариев больше не пишу. Я чувствую себя опустошенным. Хотя я покривлю душой, если не скажу, что недавно я выступал в качестве продюсера и это принесло мне громадное удовлетворение. Давным-давно я с друзьями работал над

сценарием шоу «Кабаре». Вот этим мне и надо продолжать заниматься. Мои друзья так мне и говорят: «Ради бога, начни писать что-нибудь дельное». Но я совсем обленился. Извините, что я повторяюсь. Но мне кажется, что пришло время уйти на пенсию. По-настоящему уйти или перестать жаловаться.

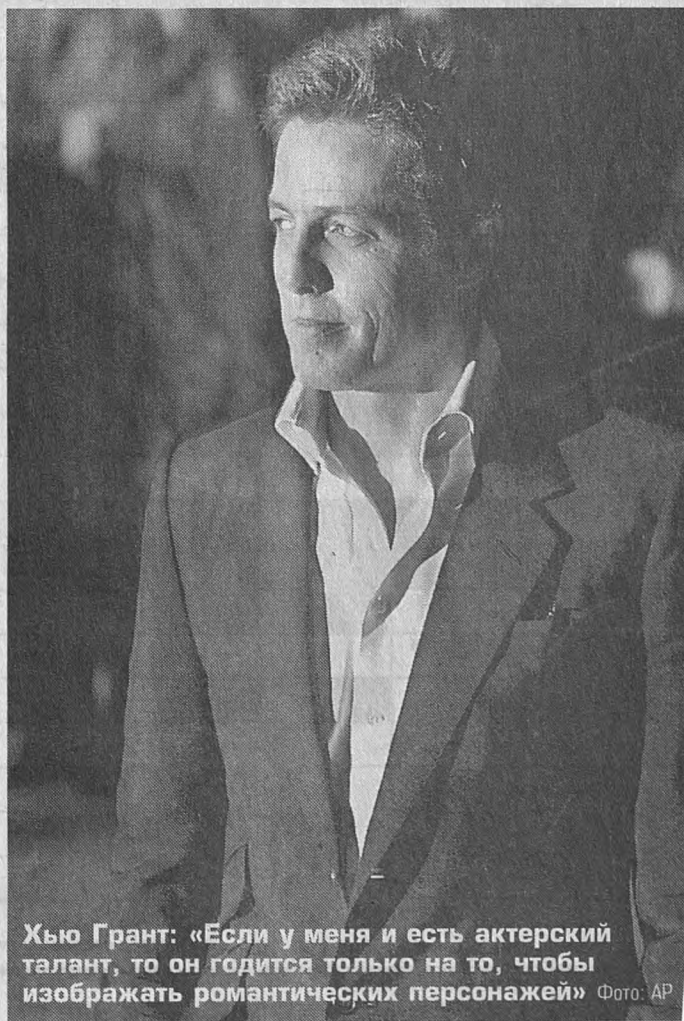
Я слышала, что вы увлеклись гольфом?

Да, гольф просто разрушил мою жизнь! В жизни всего несколько золотых законов, один из них: «Никогда не играйте в гольф!» Если вы увидели, что ваш ребенок взял в руки клюшку для гольфа, сразу же отберите у него эту штуку! Гольф настолько к себе притягивает, что он опаснее наркотиков — так мне кажется. Раньше я был гармоничной личностью, у меня было много увлечений. На столике возле моей кровати лежали книги разных жанров. А сейчас я способен думать только о гольфе.

газета

он играет на свадьбах и похоронах

Мягко очерченный подбородок, неотразимый британский акцент и взгляд несправедливо обиженного херувима — вот с какими данными становятся героями романтических комедий. Это ампула преследует Хью Гранта всю актерскую карьеру, и его никогда не спасали эскапады в сторону костюмных экранизаций («Разум и чувства», 1995), психологических драм («Горькая луна» Романа Полански, 1992) или даже триллеров («Ночной поезд в Венецию», 1993). Нет уж, публике подавай Гранта-милашку, идеального персонажа мелодраматической комедии — каким он и предстал в ставших классикой этого жанра фильмах «Четыре свадьбы и одни похороны» (1994), «Ноттинг Хилл» (1999), «Голубоглазый Микки» (1999), «Мой мальчик» (2002) и «Реальная любовь» (2003). Впрочем, в последнее время герои Гранта немного изменились — это по-прежнему плейбой, но уже слегка потасканный; сладкие и гадкие одновременно. Так было в картине Вуди Аллена «Мелкие мошенники» (2000), так есть и в двух частях саги о Бриджит Джонс.

Хью Грант: «Если у меня и есть актерский талант, то он годится только на то, чтобы изображать романтических персонажей» Фото: AP